

An aerial photograph of Hiroshima, Japan, with a white grid overlay. A red dot is placed on the left side of the map, near a river. The text "HIROSHIMA" is written in large white capital letters at the top. Below it, "広島市" is written in large red Japanese characters. At the bottom, "ДЖОН ХЕРСИ" is written in large white capital letters. The word "HOSPITAL" is visible in the bottom right corner, and "O'Point" is visible on the left side near the red dot.

HIROSHIMA

広島市

ДЖОН
ХЕРСИ

HOSPITAL

O'Point

Джон Херси

Хиросима

«Individuum»

1984

УДК 94
ББК 63.3(0)62

Херси Д.

Хиросима / Д. Херси — «Individuum», 1984

ISBN 978-5-6044581-6-7

6 августа 1945 года впервые в истории человечества было применено ядерное оружие: американский бомбардировщик «Энола Гэй» сбросил атомную бомбу на Хиросиму. Более ста тысяч человек погибли, сотни тысяч получили увечья и лучевую болезнь. Год спустя журнал The New Yorker отвел целый номер под репортаж Джона Херси, проследившего, что было с шестью выжившими до, в момент и после взрыва. Изданный в виде книги репортаж разошелся тиражом свыше трех миллионов экземпляров и многократно признавался лучшим образцом американской журналистики XX века. В 1985 году Херси написал статью, которая стала пятой главой «Хиросимы»: в ней он рассказал, как далее сложились судьбы шести главных героев его книги. С бесконечной внимательностью к деталям и фактам Херси описывает воплощение ночного кошмара нескольких поколений – кошмара, который не перестал нам сниться.

УДК 94
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-6044581-6-7

© Херси Д., 1984
© Individuum, 1984

Содержание

Когда взорвалась бомба	6
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джон Херси

Хиросима

© John Hersey, 1946, 1984

© ООО «Индивидуум Принт», 2020

Нашим читателям. На этой неделе *The New Yorker* отдает все редакционное пространство статье, которая посвящена почти полному уничтожению целого города одной атомной бомбой – и тому, что случилось с жителями этого города. Журнал поступает так, поскольку убежден, что очень немногие из нас пока осознают разрушительную мощь этого оружия и всем нам следует подумать о том, к каким чудовищным последствиям приводит его использование. Редакция.

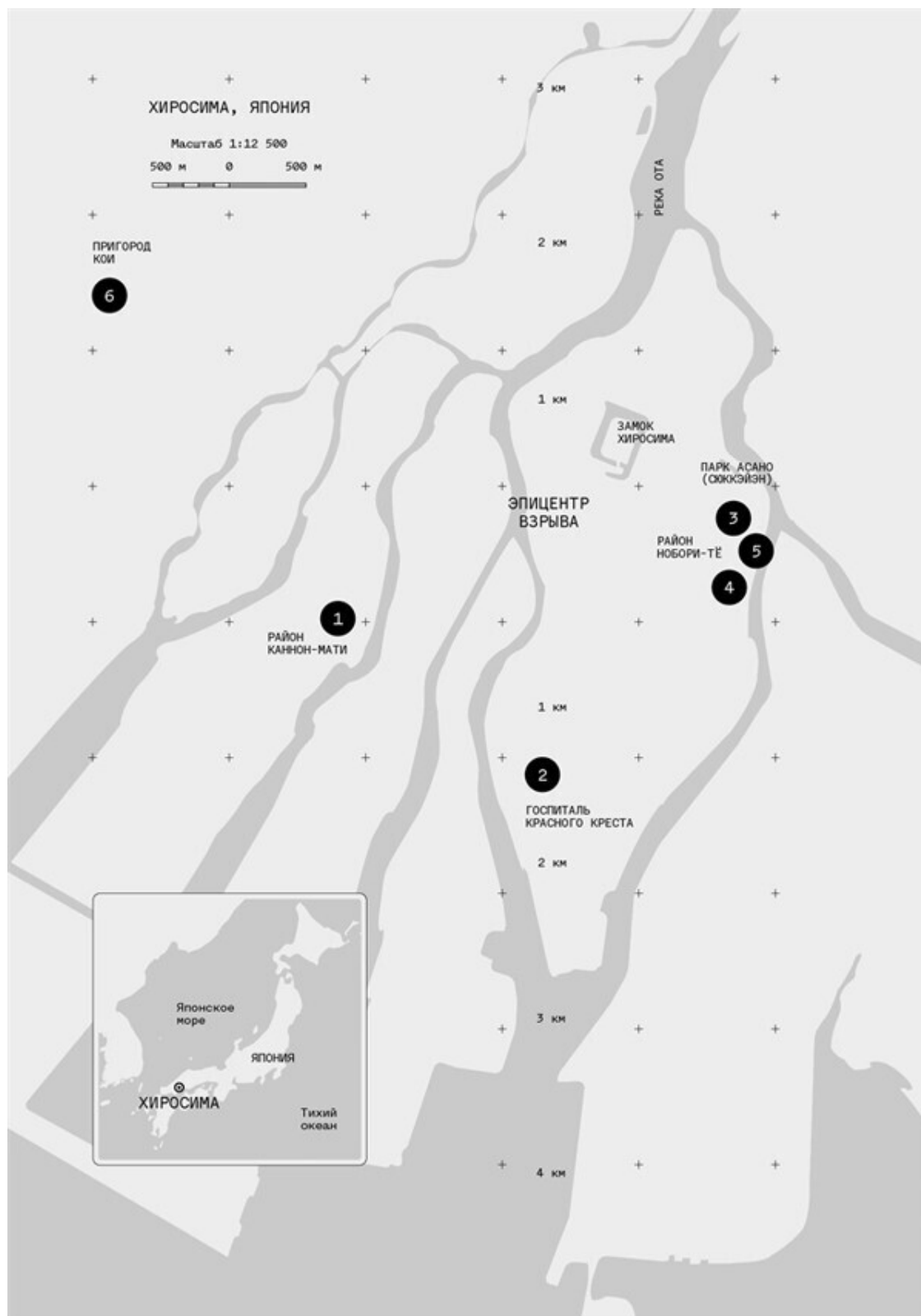
Обложка номера *The New Yorker* от 31 августа 1946 года была яркой и веселой: парк, пляж, люди загорают, катаются на лошадях и велосипедах, рыбачат, танцуют, смеются. Дальше, как обычно, шли несколько полос афиши: спектакли, фильмы, концерты. А после нее – вот такое предуведомление к статье «Хиросима», посвященной атомной бомбардировке 6 августа 1945 года, которую написал военный репортер Джон Херси. Это был первый (и пока – последний) случай в истории журнала, когда один материал занимал целый номер.

Херси отправился в Японию весной того года, провел там три недели и взял множество интервью у выживших после бомбардировки, экспертов, чиновников, но решил сконцентрироваться на историях шести человек, с которыми его познакомил местный священник-иезуит. Позднее он говорил: «Я захотел написать о том, что произошло с людьми, а не зданиями».

Изначально репортаж был разбит на четыре части, чтобы его можно было опубликовать в четырех номерах журнала, но управляющий редактор Уильям Шон и основатель *The New Yorker* Гарольд Росс после нескольких недель работы с текстом и долгих раздумий решили, что выпускать его нужно целиком – только так он произведет максимальный эффект. И они оказались правы – репортаж сразу же стал сенсацией. Тираж мгновенно раскупили: когда Альберт Эйнштейн пытался приобрести тысячу номеров, чтобы разослать коллегам, у него ничего не вышло – пришлось самостоятельно делать копии. Той же осенью издательство Alfred A. Knopf напечатало «Хиросиму» в виде книги, которая была переведена на десятки языков – правда, в Японии вышла лишь в 1949 году, а в СССР печаталась только отрывками в журнале «Звезда» – в 25-летнюю годовщину трагедии.

40 лет спустя Джон Херси написал еще одну статью – «Хиросима: последствия», в которой проследил судьбу своих героев после взрыва (она стала пятой главой во всех последующих изданиях книги). К этому времени его текст уже давно стал классикой, предвестником новой журналистики Трумана Капоте, Тома Вульфа, Гая Тализа и Нормана Мейлера, а несколько поколений американских детей писали и продолжают писать по нему сочинения. В некрологе Джону Херси, опубликованном 5 апреля 1993 года, редакция *The New Yorker* писала: «Возможно, «Хиросима» – самая известная журнальная статья в истории... Если и была когда-либо тема, способная истощить журналиста и перегрузить его текст, – то это Хиросима; однако репортаж Херси был настолько скрупулезным, а выбранные им слова – настолько ясными, спокойными и сдержанными, что в итоге трагическая история, которую он рассказал, получилась по-настоящему страшной».

Когда взорвалась бомба

6 августа 1945 года.

1. Госпожа
ТОСИКО САСАКИ

служащая отдела кадров Восточноазиатского завода жестяных изделий, обернулась, чтобы поговорить с девушкой за соседним столом.

2. Доктор

ТЕРУФУМИ САСАКИ

молодой хирург, шел по больничному коридору с образцом крови для теста на реакцию Вассермана в руках.

3. Отец

ВИЛЬГЕЛЬМ КЛЯЙНЗОРГЕ

немецкий священник, лежал на раскладушке в доме миссии иезуитов и читал религиозный журнал.

4. Госпожа

ХАЦУЁ НАКАМУРА

вдова портного, стояла на кухне и наблюдала из окна, как сосед сносит собственный дом.

5. Доктор

МАСАКАДЗУ ФУДЗИИ

владелец частной клиники, устраивался на ее террасе, чтобы почитать газету.

6. Преподобный

КИЁСИ ТАНИМОТО

пастор Хиросимской методистской церкви, остановился у дверей богатого дома в пригороде Кои и приготовился разгружать свою тележку.

Сто тысяч человек были убиты атомной бомбой. Эти шестеро остались в живых.

Джон Херси рассказывает о том, как им удалось выжить и что случилось с ними после разрушения Хиросимы.

1

Беззвучная вспышка

Ровно в четверть девятого по местному времени, утром 6 августа 1945 года, когда атомная бомба вспыхнула над Хиросимой, Тосико Сасаки, служащая отдела кадров Восточноазиатского завода жестяных изделий, села за рабочее место и обернулась, чтобы поговорить с девушкой за соседним столом. В тот же самый момент доктор Масакадзу Фудзии расположился на террасе своей частной клиники, которая стояла на холме над одним из семи рукавов дельты реки Ота ¹ протекающей сквозь Хиросиму, скрестил ноги и собирался почитать газету *Osaka Asahi* ². Госпожа Хацуё Накамура, вдова портного, стояла на кухне и наблюдала из окна, как сосед сносит свой дом, который мешал строительству противопожарной полосы на случай авианалетов. Отец Вильгельм Кляйнзорге, немецкий священник и член «Общества Иисуса», прямо в нижнем белье прилег на раскладушку на верхнем этаже дома миссии иезуитов, чтобы почитать журнал *Stimmen der Zeit* ³. Доктор Теруфуми Сасаки, молодой хирург из большого современного госпиталя Красного Креста, шел по больничному коридору с образцом крови для теста на реакцию Вассермана в руках. А преподобный Киёси Танимото, пастор Хиросимской методистской церкви, остановился у дверей богатого дома в западном пригороде Кои и приготовился разгружать тележку, полную вывезенных из Хиросимы вещей: местные жители, и он в их числе, опасались массированного налета Б-29, который вот-вот должен был обрушиться на город.

Сто тысяч человек были убиты атомной бомбой – эти шестеро оказались среди выживших. Они до сих пор не могут понять, почему живы, когда столько людей погибли. Каждый из них вспоминает множество мелких случайностей и сознательных решений – вовремя сделать шаг, войти в дом, сесть на этот трамвай, а не на следующий, – которые позволили им спастись. Каждый из них видел больше смертей, чем когда-либо предполагал увидеть, и теперь знает: выживая, он проживает десятки жизней. Но в тот момент никто из них не знал ничего.

Преподобный Киёси Танимото встал в пять утра. Он был один в доме: жена с их годовалым ребенком уже некоторое время ездила ночевать к подруге в северный пригород Усида. Из всех крупных городов Японии только два, Киото и Хиросиму, пока не навестил Б-сан, или Господин Б, – так, со смесью уважения и горькой фамильярности, японцы называли бомбардировщики Б-29; и господина Танимото, как и всех его соседей и друзей, подташнивало от беспокойства. Он уже слышал до отвращения подробные рассказы о массированных налетах на Курэ, Ивакуни, Токуяму и другие близлежащие города и был уверен, что скоро настанет черед Хиросимы. Прошлой ночью он плохо спал из-за сирен воздушной тревоги. Они гудели почти каждую ночь вот уже много недель: в то время Б-29 использовали озеро Бива к северо-востоку от Хиросимы как место встречи – и, по какому бы городу ни собирались ударить американцы, «суперкрепости» ⁴ летели вдоль побережья мимо Хиросимы. Из-за частоты сирен и затянувшегося бездействия Господина Б жители Хиросимы нервничали: ходили слухи, что американцы приберегли для города что-то особенное.

¹ Дельту реки Ота формируют шесть рек: Ота, Тонэ, Мисаса, Кёбаси, Тэмма и Мотоясу. Они, в свою очередь, образуют семь каналов, или протоков, или рукавов. – *Здесь и далее примечания переводчиков.*

² Более традиционное название газеты – *Asahi Shimbun* («Асахи симбун», буквально – газета «Утреннее солнце»).

³ *Stimmen der Zeit* (пер. «Голос времени») – ежемесячный иезуитский журнал, подвергавшийся преследованию со стороны НСДАП. Редактор журнала Альфред Дельп, участник антинацистского сопротивления, был арестован по обвинению в подготовке заговора с целью убийства Адольфа Гитлера и повешен в феврале 1945 года.

⁴ «Суперкрепость» – это тот же Боинг Б-29, или Господин Б.

Господин Танимото небольшого роста, он быстро говорит, часто смеется и часто плачет. У него довольно длинные черные волосы, которые он зачесывает на прямой пробор. Из-за выступающих над бровями лобных костей, небольших усов, маленького рта и узкого подбородка он выглядит странно – одновременно старым и молодым, мальчишкой и мудрецом, слабым и пылким. Двигается он нервно, быстро, но в то же время сдержанно, что говорит об осторожности и здравомыслии. И действительно, именно эти качества он проявил в тревожные дни перед падением бомбы. Господин Танимото не только отправил жену ночевать в Усиду, но и перенес все что возможно из своей церкви в тесном жилом районе Нагарагава в дом текстильного промышленника в Кои, в трех километрах от центра Хиросимы. Этот предприниматель, господин Мацуи, открыл свое пустующее поместье друзьям и знакомым, чтобы те на случай бомбежки могли спрятать вещи в безопасном месте. Господин Танимото без особого труда сам перевез на тележке стулья, песенники, Библии, алтарные принадлежности и церковные записи, но для транспортировки органного пульта и пианино ему требовалась помощь. Его друг Мацуо накануне помог переправить в Кои пианино; а взамен попросил помочь вывезти вещи дочери. Вот почему сегодня Танимото встал так рано.

Господин Танимото приготовил себе завтрак. Он ужасно устал. Вчерашняя транспортировка пианино, бессонная ночь, недели беспокойства и плохого питания, заботы о приходе – если сложить все это вместе, понятно, почему он не чувствовал себя готовым к сегодняшним трудам. Но было еще кое-что: господин Танимото в 1940 году окончил Университет Эмори в Атланте, штат Джорджия, где изучал теологию; он превосходно говорил по-английски, одевался на американский манер, переписывался со многими друзьями-американцами вплоть до начала войны; и среди сограждан, одержимых шпиономанией – он и сам, похоже, ей поддавался, – он ощущал растущее беспокойство. Его уже несколько раз допрашивала полиция, и всего пару дней назад он узнал, что один его влиятельный знакомый, господин Танака (высокопоставленный сотрудник пароходства Toyo Kisen Kaisha ⁵ в отставке, антихристианский активист, человек, известный в Хиросиме как тиран и показной филантроп), говорил людям, что Танимото не следует доверять. Чтобы показать, что он хороший японец, господин Танимото стал председателем местной тонаригуми – соседской ассоциации взаимопомощи, и ко всем его обязанностям и заботам добавилась еще одна: организовать защиту от авианалетов примерно для двадцати семей.

Около шести утра господин Танимото отправился к дому господина Мацуо. Там он обнаружил, что их ношей будет тансу – большой японский шкаф, полный одежды и хозяйственных товаров. Двое мужчин отправились в путь. Утро стояло такое ясное и теплое, что день обещал быть невыносимым. Через несколько минут взревела сирена воздушной тревоги – долгий и резкий звук, который оповещал о приближении самолетов, обычно не сулил большой опасности для жителей Хиросимы, поскольку они слышали его каждое утро ровно в это время, когда американский метеорологический самолет заходил на посадку. Двое мужчин тащили и толкали тележку по улицам города. Хиросима по форме напоминала веер: большая часть города располагалась на шести островах, образованных семью рукавами дельты Ота; в главных торговых и жилых районах, которые занимали около десяти квадратных километров в центре города, сосредоточилось три четверти населения – после нескольких волн эвакуации оно сократилось с 380 до 245 тысяч человек. Фабрики и спальные районы – или пригороды – компактно располагались по краям Хиросимы. К югу были доки, аэропорт и усеянные островами Внутреннее Японское море. С трех других сторон дельты тянется горный хребет.

Господин Танимото и господин Мацуо прошли через торговый центр, который в это время уже был заполнен людьми, переправились через две реки, оказались на холмистых улицах Кои и поднялись по ним к окраинам и предгорьям. Когда они начали углубляться в долину,

⁵ На русском языке читается как «Тоё Кисэн Кайся».

удаляясь от тесно стоящих домов, раздался сигнал отбоя воздушной тревоги. (Операторы японских радиолокаторов, обнаружив только три самолета, предположили, что это разведка.) Тащить тележку к дому господина Мацуи было тяжело, и, наконец добравшись до крыльца, двое мужчин решили немного передохнуть. Они остановились, от города их отделяло крыло усадьбы. Как и у большинства домов в этой части Японии, у усадьбы были деревянные каркас и стены, которые поддерживали тяжелую черепичную крышу. Просторная прихожая, заставленная тюками с постельным бельем и одеждой, напоминала прохладную пещеру, заваленную толстыми подушками. Напротив дома, справа от ворот, раскинулся большой изысканный сад камней. Самолетов слышно не было. Еще стояло утро; царил приятная прохлада.

И тут гигантская вспышка прорезала небо. Господин Танимото отчетливо помнит, что она шла с востока на запад, от города к холмам. Похоже на завесу из солнечного света. Их с господином Мацуо охватил ужас – и оба успели среагировать (поскольку были в 3200 метрах от центра взрыва). Господин Мацуо взбежал по ступенькам в дом, нырнул в тюки с бельем и зарылся в них. Господин Танимото сделал четыре или пять шагов, бросился в щель между двумя большими камнями в саду и сильно-сильно прижался к одному из них. Поскольку он уткнулся в камень, то не видел, что произошло дальше. Он внезапно почувствовал давление, а затем на него посыпались щепки, куски досок и черепица. Слышно ничего не было. (Почти никто в Хиросиме не помнит, чтобы слышал взрыв бомбы. Но рыбак, вышедший в тот момент на своем сампане⁶ во Внутреннее море близ Цудзу, – человек, у которого жили теща и невестка господина Танимото, – увидел вспышку и услышал страшный взрыв; он был почти в 50 километрах от Хиросимы, но раскаты гремели сильнее, чем когда Б-29 ударили по Ивакуни, всего в десяти километрах от него.)

Когда господин Танимото осмелился поднять голову, он увидел, что усадьба разрушена. Он подумал, что бомба упала прямо на нее. Облака пыли вокруг были такие густые, что казалось: спустились сумерки. В панике, даже не задумавшись о судьбе господина Мацуо, лежавшего под развалинами, он бросился на улицу. На бегу он заметил, что бетонная ограда усадьбы обвалилась – причем скорее в сторону дома, а не от него. Первое, что он увидел на улице, – отряд солдат, строивших на холме напротив один из тысяч блиндажей, в которых японцы, по-видимому, намеревались сопротивляться вторжению, холм за холмом, жизнь за жизнью. Солдаты выходили из ямы, которая должна была обезопасить их, и кровь текла у них по головам, животам и спинам. Они шли молча и выглядели ошалевшими.

То, что казалось обычными облаками пыли, сгущалось; день становился все темнее и темнее.

В районе полуночи, накануне дня, когда была сброшена бомба, диктор городской радиостанции сообщил, что около двухсот Б-29 приближаются к южному Хонсю, и посоветовал населению Хиросимы укрыться в отведенных для них «безопасных местах». Госпожа Хацүэ Накамура, вдова портного, которая жила в районе Нобори-тё и уже давно привыкла исполнять веленное, разбудила троих детей – десятилетнего мальчика Тосио и девочек восьми и пяти лет Яэко и Миёко, – одела их и отправилась с ними к военной территории, известной как Восточный плац, на северо-восточной окраине города. Там она расстелила несколько циновок, и дети улеглись на них. Они проспали до двух часов ночи, когда их разбудил рев самолетов над Хиросимой.

Как только самолеты улетели, госпожа Накамура с детьми отправились обратно. Они вернулись домой чуть позже половины третьего, и она тут же включила радио, которое, к ее огорчению, как раз передавало новое предупреждение об авианалете. Она посмотрела на детей, увидела, как они устали, подумала, сколько раз – совершенно без толку – за последние недели

⁶ Сампан (с китайского языка переводится как «три доски») – собирательное название для дощатых плоскодонных лодок, которые плавают недалеко от берега.

они ходили на Восточный плац, и решила, что, несмотря на предупреждения по радио, просто не может проделать этот путь снова. Она уложила детей спать, сама легла около трех и сразу же заснула, да так крепко, что даже не проснулась от звука пролетающих самолетов.

Сирена разбудила ее около семи утра. Она встала, быстро оделась и поспешила к дому господина Накамото, главы соседской общины, дабы спросить, что ей делать. Он сказал, что следует оставаться дома, пока не услышит экстренный сигнал – прерывистое завывание сирены. Вернувшись домой, она разожгла плиту, поставила вариться рис и села читать утренний выпуск *Hiroshima Chugoku*⁷. К ее облегчению, в восемь утра прозвучал отбой тревоги. Госпожа Накамура услышала, как зашевелились дети, пошла к ним, дала каждому по горсти арахиса и велела пока не вставать: они слишком устали после ночной прогулки. Она надеялась, что дети снова заснут, но сосед из дома к югу поднял ужасный шум: он долбил, дробил, крушил и ломал стены. Чиновники префектуры, как и все в Хиросиме, были убеждены, что скоро город атакуют, и настаивали – дело доходило до угроз – на том, чтобы проложить широкие противопожарные полосы; они надеялись, что такие полосы вкупе с реками помогут локализовать пожары, которые могли возникнуть после бомбардировок зажигательными снарядами. И вот сосед госпожи Накамуры нехотя жертвовал своим домом ради безопасности города. Буквально накануне префектура выпустила распоряжение: всем трудоспособным школьницам необходимо несколько дней помогать расчищать эти полосы; они приступили к работе вскоре после сигнала отбоя тревоги.

Госпожа Накамура вернулась на кухню, проверила рис и стала наблюдать за соседом. Поначалу ее раздражало, что он так шумит, но потом она прониклась к нему жалостью – почти до слез. Сосед ломал свой дом доска за доской, когда кругом было так много неизбежных разрушений, но еще она испытывала другую жалость, шире – по отношению ко всем окружавшим ее людям, – не говоря уж о жалости к себе. Ей было нелегко. Муж госпожи Накамуры, Исава, ушел в армию сразу после рождения Миёко, и она долго ничего о нем не слышала, пока 5 марта 1942 года не получила телеграмму из шести слов: «Исава погиб благородной смертью в Сингапуре». Позже она узнала, что он умер 15 февраля, в день падения Сингапура, и что он был капралом. Исава нельзя было назвать преуспевающим портным: его единственным капиталом была швейная машинка *Sankoku*. После его смерти, когда семье перестали выплачивать пособие, госпожа Накамура достала эту машинку и сама стала брать заказы – с тех пор она самостоятельно зарабатывала на жизнь шитьем, но денег было мало. Госпожа Накамура наблюдала за соседом, когда все вокруг озарила вспышка – ничего более белого она в жизни не видела. Она не обратила внимания на то, что случилось с соседом: материнский инстинкт заставил ее рефлекторно, сразу же броситься к детям. Она успела сделать всего один шаг (ее семья находилась в 1250 метрах от центра взрыва), когда какая-то сила подхватила ее и, казалось, перебросила в соседнюю комнату, через помост для сна; а следом полетели куски ее дома. Когда она оказалась на полу, на нее попадали доски и обрушился ливень битой черепицы; стало темно: госпожа Накамура была погребена под обломками дома. Но не очень глубоко. Ей удалось подняться и освободиться. Она услышала детский крик: «Мама, помоги!» – и увидела младшую дочь, пятилетнюю Миёко. Ее засыпало по грудь, и она не могла пошевелиться. Госпожа Накамура стала отчаянно карабкаться к ребенку, но других своих детей не видела и не слышала.

В дни, предшествовавшие взрыву, доктор Масакадзу Фудзии, преуспевающий и не слишком обремененный делами жизнелюбец, позволял себе роскошь спать до девяти или половины десятого, но, на его счастье, в то утро, когда на Хиросиму упала бомба, нужно было встать рано, чтобы проводить на поезд своего гостя. Он встал в шесть и полчаса спустя шел вместе с другом к железнодорожной станции, которая располагалась неподалеку – всего через две реки.

⁷ Более традиционное название газеты – *Chugoku Shimbun* («Тюоку симбун», то есть «Газета региона Тюоку», самого западного на острове Хонсю).

Домой он вернулся к семи, как раз когда начала гудеть сирена воздушной тревоги. Он позавтракал, а потом, поскольку уже становилось жарко, разделся до нижнего белья и вышел на террасу почитать газету. Терраса, как, впрочем, весь дом, отличалась любопытной конструкцией. Доктор Фудзии был владельцем исключительно японского учреждения – частной клиники, в которой был всего один врач. В этом здании, расположившемся над рекой Кио, неподалеку от одноименного моста, было тридцать палат для тридцати пациентов и их родных: согласно японским традициям, когда человек заболевает и ложится в больницу, туда вместе с ним отправляется один или несколько членов семьи, чтобы готовить для него, мыть его, делать ему массаж, читать, по-семейному поддерживать, без чего больной японец будет чувствовать себя совершенно несчастным. Доктор Фудзии не держал для пациентов коек – только плетеные циновки. У него, впрочем, была прекрасно оснащенная лаборатория и самое разнообразное и современное оборудование: рентгеновский аппарат, приборы для электротерапии... Две трети здания стояли на земле, а треть – на сваях, над водами Кио. Именно в этой части дома, нависающей над рекой, жил доктор Фудзии, и выглядела она довольно странно. Зато летом здесь было прохладно, а с террасы, повернутой от центра города, открывался бодрящий вид на воду, по которой туда-сюда сновали прогулочные лодки. В жизни доктора Фудзии бывали тревожные моменты, когда рукава дельты реки Ота разливались, но сваи, очевидно, были достаточно крепкими: дом всегда выдерживал наводнения.

Уже месяц доктор Фудзии пребывал в относительном бездействии. В июле, когда число нетронутых бомбежками японских городов с каждым днем стремительно сокращалось и Хиросима становилась все более вероятной целью, он перестал принимать новых пациентов, поскольку в случае авианалета и пожара не смог бы их эвакуировать. Теперь у него осталось всего два пациента: женщина из Яно с поврежденным плечом и молодой человек двадцати пяти лет, получивший ожоги во время бомбежки сталелитейного завода близ Хиросимы.

У доктора Фудзии было шесть медсестер, которые ухаживали за пациентами. Его семья была в безопасности: жена и один из сыновей – неподалеку от Осаки, а второй сын и две дочери – в деревне на острове Кюсю. Вместе с доктором жили племянница, горничная и слуга. Особых дел у него не предвиделось, и его это совершенно устраивало, поскольку запас денег был. Ему было пятьдесят, он был здоров, весел и спокоен, и ему нравилось проводить вечера, попивая виски с друзьями, но в меру и исключительно ради поддержания беседы. Пока не началась война, он предпочитал американские и шотландские сорта, но сейчас его полностью устраивала лучшая японская марка – Suntory ⁸.

Доктор Фудзии в одном нижнем белье сел на чистейшую циновку у себя на террасе, надел очки и приступил к чтению *Osaka Asahi*. Ему нравилось читать новости из Осаки, потому что там находилась его жена. Он увидел вспышку. Она казалась сверкающе желтой – ведь он сидел спиной к центру города и смотрел в газету. Пораженный, доктор Фудзии попробовал подняться. В этот момент (дом находился в 1400 метрах от центра взрыва) здание клиники у него за спиной накренилось и с ужасным грохотом рухнуло в реку. Доктор все еще пытался встать на ноги, но его бросило вперед, и в сторону, и вверх; его било и сжимало; он не понимал, что происходит, потому что все вокруг несло с бешеной скоростью; он очутился в воде.

Едва успев подумать, что умирает, доктор Фудзии осознал, что жив – и крепко зажат двумя длинными бревнами, которые скрестились у него на груди; будто гигантские палочки подняли его, как кусочек еды, – он не мог пошевелиться, голова каким-то чудом оказалась на поверхности, а торс и ноги – под водой. Вокруг лежала в руинах его клиника: безумное нагромождение сломанных досок и медицинского оборудования. Левое плечо страшно болело. Очки пропали.

⁸ Японская марка виски, выпускаемая с 1929 года.

В то утро, когда прогремел взрыв, отец Вильгельм Кляйнзорге, член ордена иезуитов, был в весьма тяжелом состоянии. Японская диета военного времени не пошла ему на пользу, к тому же он чувствовал, как непросто быть иностранцем в стране, где с каждым днем растут ксенофобские настроения; даже немцы – после поражения Фатерлянда – были тут не в чести. В свои тридцать восемь лет отец Кляйнзорге производил впечатление мальчика, который слишком быстро растет: худое лицо, сильно выступающий кадык, впалая грудь, руки болтаются, ноги очень большие. Он ходил неуклюже, слегка подаваясь вперед. Он все время чувствовал усталость. В довершение всего уже два дня он вместе с другим священником, отцом Цесьликом, мучился довольно болезненной и острой диареей – они считали, что виной всему бобы и черный хлеб из военного пайка, который приходилось есть. Двое других священников, живших на территории миссии в районе Нобори-тё, – отец-настоятель Ласалль и отец Шиффер – счастливо избежали этой напасти.

Отец Кляйнзорге проснулся в то утро около шести и полчаса спустя – он немного припозднился из-за болезни – начал служить мессу в капелле миссии. Она располагалась в небольшом деревянном доме в японском стиле. Скамеек внутри не было, прихожане преклоняли колени прямо на циновках, которыми по японским обычаям был устлан пол, перед алтарем, украшенным прекрасными шелками, медной и серебряной утварью и богатыми вышивками. Этим понедельничным утром молящихся было немного: господин Такемото, студент-теолог, который жил в доме иезуитов; господин Фукаи, секретарь епархии; госпожа Мурата, набожная христианка и экономка миссии; а также трое других священников. После мессы, когда отец Кляйнзорге читал благодарственную молитву, раздался вой сирены. Он прервал службу, и члены миссии отправились в основное здание. Там, уединившись в своей комнате на первом этаже, справа от входной двери, отец Кляйнзорге переоделся в военную форму: он купил ее, когда преподавал в средней школе «Рокко» в городе Кобе, и надевал на время воздушной тревоги.

Когда звучали сирены, отец Кляйнзорге всегда выходил на улицу и всматривался в небо. На этот раз он, к своей радости, увидел там только метеорологический самолет, который летал над Хиросимой каждый день примерно в это же время. Убедившись, что все в порядке, он пошел в дом и позавтракал вместе с другими священниками. Учитывая обстоятельства, хлеб и заменитель кофе из пайка были ему особенно неприятны. Некоторое время священники беседовали, пока в восемь часов не прозвучал отбой тревоги. Затем они разбрелись по разным частям дома. Отец Шиффер удалился к себе и сел работать. Отец Цесьлик в своей комнате устроился на стуле, положил на живот подушку, чтобы унять боль, и принялся читать. Отец-настоятель Ласалль стоял у окна своей комнаты и размышлял. Отец Кляйнзорге поднялся на третий этаж, разделся до белья и растянулся на раскладушке с журналом *Stimmen der Zeit*.

После ужасной вспышки – которая, как позже понял отец Кляйнзорге, напомнила столкновение Земли с огромным метеоритом, о чем он читал в детстве, – ему хватило времени (поскольку он был в 1300 метрах от центра взрыва) на одну мысль: прямо на нас упала бомба. После этого на несколько секунд или минут он лишился рассудка.

Отец Кляйнзорге так и не смог понять, как выбрался из дома. Придя в себя, он осознал, что бродит по огороду миссии, левый бок у него весь исцарапан и кровоточит; что все здания вокруг лежат в руинах, за исключением дома иезуитов, на укрепление которого потратил много сил священник по имени Гроппер, панически боявшийся землетрясений; что день обернулся ночью; и что рядом с ним была экономка Мурата-сан, которая кричала снова и снова: «*Сю Иэсу, аварэми тамаи! Господи Иисусе, помилуй нас!*»

Доктор Теруфуми Сасаки, хирург госпиталя Красного Креста, ехал в Хиросиму на поезде из деревни, где он жил с матерью, и вспоминал страшный и неприятный сон, приснившийся ему накануне. Дом матери располагался в местечке Мукаихара, в сорока километрах от города, и дорога до больницы вместе с пересадкой на трамвай занимала два часа. Прошлой ночью он

плохо спал, проснулся на час раньше обычного, чувствовал вялость и легкий озноб, так что был не уверен, ехать ли ему вообще на работу; но чувство долга в итоге взяло верх, и он даже сел на более ранний поезд, чем обычно. Вчерашний сон сильно напугал доктора, поскольку был тесно связан – по крайней мере, на поверхностный взгляд – с тревожной действительностью. Ему было всего двадцать пять лет, и он только что закончил обучение в Восточном медицинском университете в китайском городе Циндао. Он был в некотором роде идеалистом и очень расстраивался, что в городке, где жила мать, не хватало медицинских учреждений. Совершенно самостоятельно, не получив необходимых разрешений, он стал навещать нескольких больных по вечерам, после восьми часов в госпитале и четырех часов, которые уходили на поездки до работы и обратно. Недавно он узнал, что за прием пациентов без разрешения полагается суровое наказание; коллега строго отчитал его, когда он поинтересовался об этом. Но, несмотря ни на что, он продолжал лечить больных. Во сне он как раз навещал одного из них, когда в комнату ворвались полицейские и врач, с которым он советовался, схватили его, выволокли на улицу и жестоко избили. По дороге в Хиросиму он почти решил оставить сельскую практику в Мукаихаре, поскольку чувствовал, что получить разрешение будет невозможно: власти наверняка решат, что это помешает ему должным образом исполнять свои обязанности в госпитале Красного Креста.

Приехав на вокзал, он смог сразу же пересест на трамвай. (Позже он подсчитал, что, если бы он ехал на работу обычным утренним поездом и, как это часто бывало, несколько минут ждал трамвай, то оказался бы совсем близко к центру взрыва и наверняка бы погиб.) В 7:40 он уже был в госпитале и доложил о прибытии главному хирургу. Через несколько минут он зашел в палату на первом этаже, чтобы взять кровь у пациента для анализа на реакцию Вассермана. Лаборатория с инкубаторами для анализов находилась на третьем этаже. С образцом крови в левой руке доктор Теруфуми Сасаки шел по главному коридору больницы к лестнице, немного растерянный из-за сна и тревожной ночи. Он как раз прошел мимо открытого окна, когда свет от взрыва, будто гигантская фотографическая вспышка, озарил коридор. Он припал на одно колено и сказал себе, как мог сказать только японец: «Сасаки, гамбарэ! Не сдавайся!» В этот момент (здание было в 1500 метрах от центра взрыва) ударная волна пронеслась по больнице. С доктора слетели очки; пробирка с кровью разбилась о стену; японские тапочки вылетели у него из-под ног – но в остальном, благодаря удачной позиции, он остался невредим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.